

I

Сперва перед ними проплыло лицо генерала — усталое, желтое, скорбное лицо с крупными чертами. Высоко подняв голову, генерал торопливо шагал вдоль рядов, и каждый из тысячи выстроенных перед ним солдат видел синие мешки под его глазами, залитыми малярийной желтизной, и бескровный тонкогубый рот неудачника. Генерал выглядел усталым. Он начал обход с правого фланга пропыленного полукаре. Он тоскливо вглядывался в солдатские лица и повороты делал нечетко, не срезая углы. Все заметили сразу: на груди орденов у него хватало — золото и серебро слепило глаза; а вот на шее, под воротником, никакого ордена не было. И хотя солдаты отлично знали, что крест на генеральской шее немного стоит, их все же удручало, что генерал его не удостоился. Тощая, желтая генеральская шея без орденского креста невольно наводила на мысли о проигранных сражениях, неудачных отходах, о смещенных начальниках штаба, об иронических телефонных разговорах, о нагонях и тех обидных, язвительных словечках, которыми обмениваются высшие чины; и можно было представить себе, как этот усталый, изможденный старик по вечерам, сняв мундир, сидит в нижнем белье на краю

своей койки, поджимает худые ноги и, трясясь в малярном ознобе, глотает водку. Все девятьсот девяносто девять человек — по триста тридцать три с каждой стороны незамкнутого каре — испытывали под его взглядом странное чувство: какую-то смесь жалости, тоски, страха и затаенного гнева. Гнев вызывала эта война, которая тянется слишком уж долго, так долго, что генералы просто права не имеют расхаживать без высшего ордена на шее. Генерал шел, не отрывая руки от козырька своей поношенной фуражки, — руку у козырька он, правда, держал твердо. Дойдя до левого фланга, он сделал поворот, на сей раз более резкий, двинулся вдоль незамкнутого фронта полукаре и остановился точно на середине. И тут же стайка офицеров рассыпалась за его спиной — на первый взгляд как попало, но на самом деле каждый занял четко определенное ему место, и всем было неловко за генерала, не заслужившего даже креста на шею, тем более что у некоторых офицеров его свиты такие кресты поблескивали на солнце.

Генерал хотел было что-то сказать, но вместо этого резко козырнул и повернулся так неожиданно, что офицеры, стоявшие позади него, шарахнулись в стороны, освобождая ему дорогу. И все видели, как сухонький старичок влез в свою машину, офицеры снова взяли под козырек, и вскоре на дороге осталось лишь крутящееся светлое облако пыли, показывая, что генерал укатил на запад, туда, где предзакатное солнце уже низко нависло над плоскими белыми крышами, туда, где не было фронта.

Потом их разделили на три колонны, по триста тридцать три человека в каждой; они зашагали на

другой конец города, к его южной окраине, прошли мимо фешенебельных, но запущенных кафе, мимо кинотеатров и церквей, через бедняцкие кварталы, где у дверей валялись в пыли собаки и куры, из окон выглядывали неопрятные пышногрудые красотки, а из грязных пивных доносились пьяные песни; заунывная, однотонная мелодия брала за душу. С какой-то неправдоподобной быстротой проносились мимо трамваи. Под конец солдаты снова вышли на тихую, опрятную улицу, застроенную особняками, утопавшими в зелени садов. У каменных ворот стояли армейские грузовики; солдаты прошли сквозь ворота и очутились в нарядном парке. Здесь их снова выстроили в полукаре — но на этот раз их было лишь три шеренги по сто одиннадцать человек.

Солдаты составили винтовки в пирамиды, сложили в тылу каре вещевые мешки, и когда они снова застыли по стойке «смирно», изнемогая от голода и жажды и проклиная про себя опостылевшую войну, перед ними поплыло новое начальственное лицо: узкое, холеное, породистое. Вдоль рядов шагал бледный поджарый полковник с холодным, твердым взглядом и плотно сжатыми губами под длинным носом. Само собой разумелось, что подобные физиономии немислимы без креста на шее. Но и это лицо не внушало солдатам доверия. Полковник шел медленно, печатая шаг, четко срезая углы на поворотах, впиваясь взглядом в каждого. Закончив обход, он в сопровождении небольшой группы офицеров двинулся к центру каре, и солдаты тотчас же поняли, что дело тут без напутствия не обойдется, и все сразу вспомнили о том,

что им давно уже хочется пить, хочется есть, спать и курить.

— Солдаты, соратники! — прозвенел в тишине резкий голос полковника. — Не буду тратить слов попусту. Надо вышвырнуть отсюда этих вислоухих, загнать их назад, в степи. Ясно?

Полковник умолк. Воцарилась гнетущая, смертная тишина, и солдаты увидели, что багровый диск солнца повис уже над самым горизонтом. Орденский крест на шее полковника поглощал кровавые лучи, его сверкающие планки, казалось, вобрали в себя весь закат. И тут только солдаты заметили, что крест у полковника был особенный — с дубовыми листьями, которые они между собой называли «ботвой». Сомнений не было, на шее полковника красовалась «ботва».

— Ясно? — выкрикнул полковник, и голос его сорвался.

— Так точно, — вразброд откликнулось несколько голосов — хриплых, усталых и безразличных.

— Ясно, спрашиваю? — снова выкрикнул полковник и дал такого петуха, что его голос и впрямь рванулся ввысь, словно рехнувшийся петух, который захотел вдруг склонуть звезду.

— Так точно, — вновь откликнулись ряды; теперь голосов стало больше, но кричали они так же хрипло, устало и равнодушно. Слова этого человека не в силах были утолить их жажду, притупить голод, заглушить тоску курильщиков по табаку.

Полковник гневно рассек воздух стеком и, пробормотав нечто похожее на «скоты», быстро пошел прочь. За ним вышагивал адъютант, непомерно дол-

говязый, совсем еще юный обер-лейтенант, такой долговязый и такой юный, что солдатам невольно стало жаль его.

Солнце все еще стояло в небе прямо над домами — казалось, по плоским белым крышам катится докрасна накаленное железное яйцо, и когда солдат снова повели куда-то, над ними простиралось тусклое, выгоревшее, почти бесцветное небо; чахлая листва бессильно свисала с придорожных деревьев. Теперь они шли прямо на восток — по булыжной мостовой городской окраины, мимо убогих домишек и лавок старьевщиков, мимо обшарпанных многоэтажных корпусов, неведомо как затесавшихся сюда. Потом потянулись свалки, пустыри, огороды — перезревшие дыни догнивали на грядках, тугие сочные помидоры гроздьями висели на кустах. Все здесь было чужое, непривычное, — и несуразно большие кусты помидоров, и толстобокие початки кукурузы, которую клевали стаи черных птиц, они взлетали, когда мимо проходили солдаты; но, покружив в воздухе, тучей опускались на поле и снова принимались клевать желтые зерна.

Теперь солдат осталось всего сто пять человек. Они шли колонной по три, смертельно усталые, пропыленные, с потными лицами и сбитыми в кровь ногами, впереди шагал обер-лейтенант, на лице которого было написано глубочайшее отвращение ко всему. Солдаты сразу раскусили его. Принимая команду, обер-лейтенант лишь мельком взглянул на них, но люди, несмотря на усталость и жажду, жгучую жажду, прочли в его глазах, что он хочет сказать: «Дерьмо все это, но что поделаешь!»

И тут же они услышали его голос — с наигранным безразличием он сказал: «Пошли!» — просто «пошли» — без обычных строевых команд.

Их привели к грязному зданию школы. На школьном дворе среди чахлах, полузасохших деревьев стояли черные зловонные лужи, над которыми роились жирные мухи, должно быть, лужи месяцами не просыхали — они тянулись через весь двор от булыжной мостовой до исчерканной мелом дощатой уборной, откуда несло зловонием невыносимым и мерзким.

— Стой, — бросил обер-лейтенант и направился к дверям школы упругой и в то же время разболтанной походкой человека, которому все опостылело до предела.

Здесь их не строили в каре, а вышедший к ним капитан даже не взял под козырек. Он был в мундире без ремня, жевал травинку, и его круглое чернобровое лицо выглядело добродушным. Остановившись перед строем, он лишь кивнул головой, неопределенно хмыкнул и сказал: «Времени у нас в обрез, ребята. Не до отдыха. Фельдфебель разведет вас по ротам».

Но солдаты, глядевшие мимо круглолицего капитана, успели заметить и бронетранспортеры в глубине двора, и вещевые мешки на грязных подоконниках школы — аккуратные квадраты защитного цвета, и рядом с каждым из них — все что положено — ремень, подсумок, лопатка и противогаз.

Со двора они вновь вышли колонной по три, и осталось их всего двадцать четыре человека; они снова прошли вдоль знакомого уже кукурузного поля, но, дойдя до уродливых многоэтажных корпусов,

опять свернули на восток и остановились в редкой рощице, среди которой были разбросаны одноэтажные домики, коттеджи с плоскими крышами и широкими застекленными верандами, какие строят в поселках художников.

В садиках стояли плетеные кресла. Когда солдаты повернули по команде кругом, они увидели, что солнце уже скрылось за крышами домов, — багровое зарево медленно расползлось по всему небосводу, окрашивая его в алый цвет — цвет грубо намалеванной крови. Восток у них за спиной уже подернулся сумеречной дымкой.

У домов в тени деревьев сидели солдаты. Вдалеке виднелись ружейные пирамиды — их было не меньше десятка. Пришедшие сразу заметили, что их теперешние однополчане были в полном боевом снаряжении, — отблески заката играли на касках, пристегнутых к поясным ремням.

Обер-лейтенант, появившийся на пороге одного из домиков, и не подумал обходить строй. Он просто подошел к ним, остановился, и солдаты увидели, что у него был один-единственный орден, даже не орден — так, пустячная медаль — штампованный кружок из вороненой жести, свидетельство о том, что его обладателю посчастливилось пролить кровь за отечество. Лицо у офицера было усталое и грустное. Он посмотрел на солдат, сначала на их ордена и ленточки, потом на лица, произнес: «Прекрасно», — и, помолчав немного, взглянул на часы и добавил:

— Устали, ребята, знаю, но ничего не поделаешь — выступаем через четверть часа. — Затем он обратился к стоявшему рядом унтер-офицеру: —

Составлять список нет смысла. Соберете солдатские книжки и перешлете их в штаб. Да побыстрее разводите людей по взводам, чтобы успели напиться. — И, вновь повернувшись к солдатам, обер-лейтенант громко сказал: — Фляги налить не забудьте!

Физиономия унтера была недовольная, спесивая, а орденов у него на груди было в четыре раза больше, чем у обер-лейтенанта. Он только кивнул в ответ и рявкнул:

— Сдать солдатские книжки!

Положив стопку солдатских книжек на колченогий столик под деревом, унтер-офицер начал распределять людей по взводам. Пока он рассчитывал их и разбивал на группы, все они думали об одном и том же. Да, они устали в дороге, будь она трижды проклята, но это бы еще полбеды. И генерал, и полковник, и капитан, и даже обер-лейтенант — все они останутся позади — и плевать на них. Но вот этому пижону-унтеру, лихо отдающему честь и щелкающему каблуками, словно и не было четырех лет войны, и этому мордастому фельдфебелю с бычьим загривком, который, подойдя откуда-то сбоку, щелчком отбросил недокурную сигарету и затянул потуже ремень, — этому начальству солдат выдан с головой — до той минуты, пока не попадет в плен, не будет ранен или убит.

И вот из тысячи солдат остался один — последний. Он стоял перед унтер-офицером, растерянно озираясь, ибо рядом с ним больше не было привычных соседей — ни спереди, ни сзади, ни сбоку. Взглянув еще раз на унтера, солдат вспомнил вдруг, что он хочет пить, пить, а от пятнадцатиминутного привала осталось самое большее минут семь-восемь.

Унтер взял со стола последнюю солдатскую книжку, перелистал ее, поднял глаза на стоявшего перед ним солдата и спросил:

— Ваша фамилия Файнхальс?

— Так точно.

— До войны были архитектором и умеете чертить?

— Так точно.

— Оставьте его при себе, господин обер-лейтенант. Пригодится.

— Прекрасно, — произнес обер-лейтенант, не отрывая взгляда от дальней панорамы города, и Файнхальс тоже посмотрел в ту сторону и сразу понял, почему ротный глядит туда как зачарованный. Там, вдалеке, солнце опустилось прямо на улицу и, словно сплющенное светящееся яблоко, лежало в пыли между убогими домишками на окраине румынского городка — оно все больше тускнело, словно заплывая собственной тенью.

— Прекрасно, — повторил офицер, и Файнхальс так и не узнал, относилось ли это к солнцу или было обычным присловьем обер-лейтенанта. Сам Файнхальс в этот миг думал о том, что вот уже четыре года, как он воюет, четыре года, а в повестке, полученной им когда-то, говорилось лишь о военных сборах. Он и поехал на сборы, но тут внезапно началась война.

— Идите пейте, — сказал унтер, и Файнхальс ринулся туда, куда давно уже побежали остальные. Воду он нашел сразу — между тонкими стволами сосенок торчала заржавевшая колонка со свернутым краном. Струя воды, вытекавшая из него, была не толще мизинца, да вдобавок у колонки сгрудилось человек де-

сать и каждый, нещадно ругаясь, старался отпихнуть в сторону котелок соседа.

При виде льющейся воды Файнхальс чуть не обезумел. Мозг сверлило только одно слово — «вода». Он выхватил котелок из вещевого мешка и, ощутив вдруг необычайный прилив сил, протолкался к крану. Ему удалось втиснуть котелок между другими, и вскоре он уже не мог распознать его среди десятка металлических ячеек, безостановочно перемещавшихся под струей воды. Но, посмотрев вдоль своей руки, он заметил, что эмаль на его котелке темней, чем у других. Резким движением он толкнул его вперед и с жадной дрожью ощутил, что котелок тяжелеет. Файнхальс так и не успел решить, что приятней: пить или чувствовать, как наполняется водой котелок в его руке. Вдруг рука его дрогнула, слабость растекалась по жилам; Файнхальс поспешно потянул к себе котелок и сел на землю, хотя за спиной у него раздались голоса: «Строиться! Становись!» Не в силах поднести котелок ко рту, он зажал его между коленями, склонился над ним, словно пес над миской, потом слегка подтолкнул доньшко — котелок чуть накренился, и вода коснулась наконец его потрескавшихся губ. И когда он почувствовал на губах воду и стал судорожно пить, перед глазами его вспыхнули, заплясали, переливаясь всеми цветами радуги, буквы: вода, во-да-во-да-во... Словно в бреду, он ясно видел перед собой это слово. Руки его вновь окрепли, он поднес котелок ко рту и осушил до дна. Кто-то на бегу схватил его за плечо, рванул с земли и подтолкнул вперед. Еще издали Файнхальс увидел, что рота уже построена, и услышал голос обер-лейтенанта: «Вперед, шагом марш».

Вскинув на плечо винтовку, он по знаку унтер-офицера встал на свое место в одном из первых рядов.

Они зашагали вперед, в темноту, и Файнхальс поневоле двигался вместе со всеми, хотя охотнее всего он растянулся бы на земле, но, казалось, собственная тяжесть заставляла его сгибать попеременно колени, и его натруженные, сбитые в кровь ноги послушно шли вперед, волоча за собой непомерно тяжелые, многопудовые комья боли; ноги переступали одна за другой, а вслед за ними приходило в движение и все тело — зад, плечи, руки, голова, и снова тело обваливалось, оседало на ноги, и те снова подгибались в коленях и шли вперед...

Часа три спустя, совершенно обессилев, он лежал где-то в выгоревшей степной траве и тупо смотрел вслед человеку, уползавшему в серую мглу: этот человек только что передал ему два просаленных бумажных кулька, краюху хлеба, пакетик леденцов, шесть сигарет и сказал:

— Пароль знаешь?

— Нет.

— «Победа», пароль — «победа».

«Пароль — «победа»», — шепотом повторил Файнхальс, и это слово растеклось по языку, словно тепловатая затхлая вода.

Он сорвал обертку с леденцов и сунул один из них в рот. Кисловато-сладкая слюна с аптечным привкусом сразу заполнила рот. С усилием сглотнув волну сладковатой горечи, Файнхальс внезапно услышал вой пролетающих над ним снарядов: уже несколько часов подряд снаряды рвались далеко впереди, но на этот раз они пролетели над головами солдат,